

DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-106-124

УДК 93

ЗАГАДКА КАУЗАЛЬНОСТИ: ЧТО ПОБУЖДАЕТ ИСТОРИКОВ ИСКАТЬ ПРИЧИНЫ ВАЖНЫХ СОБЫТИЙ И ЧТО МЕШАЕТ ИМ ОДНОЗНАЧНО ИХ УСТАНОВИТЬ?¹

Кром Михаил Маркович

Европейский Университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
krom@eu.spb.ru

Аннотация. В статье анализируется одна из сложнейших проблем исторической эпистемологии — проблема каузальности. На основе изучения историографии двух ключевых тем (истории Гражданской войны в США и Первой мировой войны) и работ философско-методологического характера выявляются трудности, с которыми сталкиваются историки при попытке установить причины важнейших событий. Выявляется дискурсивная природа понятия «событие». Высказывается гипотеза о влиянии обыденной логики и опыта повседневной жизни на понятие исторической причинности. Ставится вопрос о пределах каузального анализа в историческом познании, и обсуждаются иные, альтернативные формы исторического объяснения.

Ключевые слова: причинность в истории, каузальный анализ, обыденная логика, историографический дискурс, историческое объяснение, Гражданская война в США, Первая мировая война.

Цитирование: Кром М.М. Загадка каузальности: что побуждает историков искать причины важных событий и что мешает им однозначно их установить? // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 4. С. 106–124. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-106-124 / Krom M.M. The Enigma of Causality: What Makes Historians to Seek for the Causes of the Main Events and What Prevents Them from Determining the Causes Definitely?, in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 4. Pp. 106–124. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-106-124.

© Кром М.М., 2023

¹ Благодарю моих коллег по университету, Бориса Ивановича Колоницкого и Ивана Ивановича Куриллу, за ценные библиографические указания и присланные материалы. Я также признателен Ивану Алексеевичу Кирпичникову за помощь в ознакомлении с ранее недоступной мне книгой.

THE ENIGMA OF CAUSALITY: WHAT MAKES HISTORIANS TO SEEK FOR THE CAUSES OF THE MAIN EVENTS AND WHAT PREVENTS THEM FROM DETERMINING THE CAUSES DEFINITELY?

Krom Mikhail M.

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia
krom@eu.spb.ru

Abstract. The paper investigates one of the thorniest epistemological problems, that of causality. Relying on the historiography of such important topics, as the American Civil War and the First World War, and on some philosophical and methodological works, it reveals a number of difficulties that historians encounter in their efforts to establish the causes of the crucial events. Then the analysis goes on to reveal the discursive nature of the notion of “event” and to suggest a hypothesis about the impact of the common logic and the everyday experience on the concept of historical causality. Finally, the paper raises a question of the limits of the causal analysis in history and discusses non-causal forms of historical explanation.

Keywords: historical causation, causal analysis, common logic, historiographic discourse, historical explanation, the American Civil War, the First World War.

Интерес историков к познанию причин значимых событий возник одновременно с самой историей. Уже Геродот, говоря о целях своего труда, помимо намерения спасти от забвения прошедшие события, «чтобы великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности», особо выделил «то, почему они вели войны друг с другом», т.е. причины греко-персидских войн [Геродот, 1972, с. 11].

Позднее другой греческий историк, Полибий, подробно остановился на причинах II Пунической войны, т.е. войны Рима против Ганнибала (218–201 гг. до н.э.). Заранее он разъяснил читателям, в чем различие между началом некоего события, поводом к нему и настоящей причиной, и подчеркнул важность выяснения причин: «В самом деле, — писал он, — какая польза больному от врача, который не знает причин различных состояний тела? Какая польза от государственного человека, который не в силах сообразить, каким образом, почему и откуда возникают те или другие события? Как тот врач, наверное, никогда не применит к телу надлежащего лечения, так и государственный человек без упомянутых выше знаний будет совершенно бессилён справиться с событиями. Вот почему с величайшей осмотрительностью следует отыскивать прежде всего причины каждого события, ибо часто незначительные обстоятельства ведут к событиям первостепенной важности...» [Полибий, 1994, т. I, с. 269].

Именно такая, прагматически понятая история казалась Полибию идеалом, и центральное место в ней должен был занимать анализ причинно-следственных связей. «Ибо, — настаивал он, — если изъять из истории объяснение того, почему, каким образом, ради чего совершено что-либо, достигнута ли была предположенная цель, то от нее останется одна забава, лишённая поучительности; такая история доставит скоропреходящее удовольствие, но для будущего окажется совершенно бесполезною» [Полибий, 1994, т. I, с. 283].

С тех пор историки, следуя примеру своих великих предшественников, прилежно искали причины великих событий, будь то крушение Римской империи, Реформация, войны или революции. Но вот проблема: историки редко соглашались друг с другом относительно того, что считать истинной причиной того или иного события, и поэтому с каждым новым поколением историков, посвятивших себя изучению определенной эпохи, список предполагаемых причин этого события становился все длиннее. В итоге к 1984 г., например, перечень факторов, которые, как считается, привели к падению древнего Рима, достиг 210 пунктов: немецкий историк Александр Демандт тщательно собрал их на основе имевшейся научной литературы и изложил в своей книге в алфавитном порядке [цит. по: Junger, 2002, S. 182].

Продолжаются споры и по поводу причин более близких к нам событий — таких, как Гражданская война в США 1861–1865 гг. или Первая мировая война.

Гражданская война принадлежит к числу важнейших событий американской истории; ей посвящена огромная литература, включая немало специальных

исследований ее причин. И, тем не менее, в статье, вышедшей в год столетнего юбилея с момента начала войны, Кушинг Страут с грустной иронией писал: «Призрак преследует американских историков — понятие каузальности. После почти ста лет страстных и бесстрастных поисков “причин Гражданской войны” дискуссия все еще не привела к какому-то определенному результату» [Benson, Strout, 1961, p. 175].

Канадский философ Уильям Дрей, комментируя эту дискуссию, привел мнение Кеннета Стампа — редактора антологии «Причины Гражданской войны» (1959), который весьма пессимистически оценил сложившуюся историографическую ситуацию: «Когда размышляешь о проблеме каузальности, — писал Стамп, — то становится совершенно ясно, что историки никогда не будут знать, объективно и с математической точностью, что стало причиной Гражданской войны» [цит. по: Dray, 1962, p. 578–579].

По мнению Дрея, разногласия историков по поводу причин Гражданской войны объясняются тем, что каузальный анализ в истории, вопреки привычным представлениям, вовсе не является ценностно нейтральным, а, напротив, неотделим от ценностных понятий: в своем выборе условий происходивших событий американские историки руководствовались моральными соображениями [Dray, 1962, p. 579, 587].

Следующие полвека изучения истории Гражданской войны в США показывают, что канадский философ был во многом прав: американская историография по-прежнему зависит и от общественного мнения, и от изменчивой научной моды.

Во второй половине XX в. в американском обществе на фоне растущего движения за права чернокожего населения происходил постепенный процесс переосмысления Гражданской войны. Как отмечает И.И. Курилла, «на первый план теперь выходила проблема рабства афроамериканцев», и эти перемены в общественном сознании непосредственно отразились в историографии: историки стали показывать вклад черных американцев в их освобождение и победу Севера [Курилла, 2021, с. 341–342].

Фрэнк Тауэрс в своем историографическом обзоре, опубликованном в год 150-летия с момента начала Гражданской войны, выделил три этапа в изучении ее причин. Первый этап, продолжавшийся с 1860-х до начала 1900-х гг., ученый назвал тенденциозно-«партийным» (*partisan*), поскольку историография того времени некритически воспроизводила мнения участников событий, самооправдания и взаимные обвинения сторон. Второй этап, пришедшийся на 1910-е–1950-е гг., ознаменовался применением новых исторических подходов (*New History*) в изучении этой темы; теперь было принято подчеркивать долговременные экономические, экологические и географические причины Гражданской войны, при этом рабству, что характерно, отводилась лишь второстепенная роль. Наконец, третий этап, начавшийся в 1960-х гг. и продолжавшийся в момент написания статьи (2011), был вдохновлен, по мнению Тауэрса, теорией модернизации, которая позволила

представить Гражданскую войну как борьбу прогрессивного Севера с отсталым Югом; и именно на этом этапе проблема рабовладения стала ключевой. К концу XX в. понятие модернизации утратило свой эвристический потенциал, и новые взгляды на историю Гражданской войны стали формироваться в процессе критики устаревшей теории, но пока, как полагает Тауэрс, контуры возникающей парадигмы еще четко не определились [Towers, 2011].

Как видим, полутора веков американским историкам не хватило для того, чтобы, по выражению К. Стампа, «объективно и с математической точностью» установить причины Гражданской войны. Их взгляды на эту проблему неоднократно менялись под влиянием как общественных настроений, так и смены парадигм в самой исторической науке.

Нет консенсуса среди историков и по поводу причин другого, еще более масштабного, трагического события — Первой мировой войны.

В начале XXI в. и особенно накануне 100-летия со дня начала войны вышло немало книг и статей, посвященных ее истокам. То, что прежде всего бросается в глаза при обращении к указанным работам, — это акцент, который многие авторы делают на проблеме вины правящих кругов тех или иных стран за развязывание мировой войны. Чаще всего в этом качестве фигурирует Германия, как, например, в книге Марка Хьюитсона (2004), который, по сути, развивает давний тезис Фрица Фишера (1961), возложившего ответственность за трагедию на германскую верхушку, стремившуюся к мировому господству [Фишер, 2017; Hewitson, 2004]. Но есть и другие «подозреваемые»: так, Шон Макмикин говорит о вине царской России за эскалацию военного кризиса 1914 г., утверждая, будто министр иностранных дел С.Д. Сазонов и генералы Ставки, мечта о захвате Константинополя и проливов, «свергли Европу в величайшую катастрофу современной эпохи» [McMeekin, 2013, p. 233].

Я далек от того, чтобы считать подобные дискуссии совершенно бесплодными: есть несомненная польза в уточнении ряда деталей, проверке прежних гипотез, не говоря уже о введении в оборот новых материалов. Прекрасная книга Джея Уинтера и Антуана Про об историографии Великой войны, как ее принято называть, ясно показывает, какой прогресс был достигнут в исследовании многих аспектов этой необъятной темы за более чем сто лет изучения [Winter, Prost, 2020]. Но упомянутые успехи невозможно выразить в терминах причин и следствий, и на вопрос, почему все-таки началась война и была ли она неизбежной, по-прежнему нельзя дать однозначного ответа.

Показательно, что в ставшей бестселлером книге Кристофера Кларка «Лунатики: как Европа пошла на войну в 1914 г.» (1-е изд. — 2012) акцент намеренно сделан не на том, почему случилась война, а на том, как это произошло. «Вопросы “почему” и “как”, — пишет британский историк, — логически неразделимы, но они ведут нас в разных направлениях. Вопрос “как” предлагает нам внимательно присмотреться к последовательностям взаимодействий, которые произвели известные результаты.

Вопрос “почему”, напротив, предлагает нам отправиться на поиски отдаленных и безусловных причин: [таких, как] империализм, национализм, вооружения, альянсы, крупные финансовые операции, идеи национальной чести, механизмы мобилизации. Подход [ориентированный на вопрос] “почему” привносит определенную аналитическую ясность, но он обладает также искажающим эффектом, поскольку создает иллюзию постоянно растущего каузального давления, — полагает Кларк. — Факторы громоздятся один на другой, давя на события; политические акторы становятся простыми душеприказчиками (*executors*) давно установленных сил, находящихся вне их контроля» [Clark, 2014, p. XXVII].

Итак, каузальность в истории остается загадкой, и прежде всего — в глазах самих историков, которые, за редкими исключениями¹, не склонны интересоваться подобными теоретическими вопросами. Между тем философы разных направлений уделили этой проблеме серьезное внимание.

Так, в середине XX в. большой популярностью пользовалась выдвинутая неопозитивистами теория «охватывающих законов» (*covering laws*); она больше известна в формулировке Карла Гемпеля (1942). Суть этой теории заключается в том, что историки точно так же, как физики или химики, используют общие законы в своих объяснениях. Примерами таких «законов», или «универсальных гипотез», служат фразы типа «имеющие работу не хотели бы ее потерять», «находящиеся у власти стремятся расширить свой контроль» и т.д. И связь между «причиной» и «следствием», утверждает Гемпель, возможна только при помощи подобных универсальных гипотез. Специфика исторического объяснения, по его мнению, состоит только в том, что все они, как правило, являются неполными, представляя собой своего рода «наброски» объяснения, а подразумеваемые законы могут опускаться, особенно когда речь идет о явных трюизмах [Гемпель, 1998].

Гемпелю возражал уже упоминавшийся выше канадский философ Уильям Дрей, посвятивший целую книгу опровержению теории «охватывающих законов». Он показал, что историки, объясняя поступки людей в прошлом, исходят не из неких универсальных законов, а из собственных критериев рационального поведения [Dray, 1957].

Дискуссия вокруг теории «охватывающих законов» тянулась еще много лет [Mandelbaum, 1961; Murphey, 1986], но к настоящему времени сторонники каузального объяснения в истории уже от нее отказались и прибегают к аргументам другого рода.

Резко негативно к самому понятию «причина» в истории относился британский философ-идеалист Майкл Оукшотт. Еще в своей ранней работе «Опыт и его формы» (1933) он утверждал, что это понятие бесполезно для истории, поскольку

¹ К числу таких исключений можно отнести Робина Дж. Коллингвуда, который, помимо профессиональных занятий древней историей и археологией, был еще и первоклассным философом, и Поля Вена, демонстрировавшего глубокие познания в сфере эпистемологии.

невозможно выделить причину и следствие и «наделить то и другое известной долей индивидуальности»: «никакое единичное событие в истории не может быть изолировано таким способом». Не поможет и объявление «причиной» *всего* предыдущего хода событий, ибо в этом случае, по мнению Оукшотта, теряется всякое подобие причины и объяснения [Oakeshott, 1994, p. 131–132].

Философ и в дальнейшем оставался верен своему кредо, и спустя двадцать лет писал о том, что деятельность историка «состоит не в распутывании всеобщих причин или общих и достаточных условий, а в предъявлении нам цепочки событий (в той мере, в какой они могут быть установлены), которая является связующим звеном от одного обстоятельства к другому» [Оукшотт, 2002, с. 144].

Эти философские споры не оказали непосредственного влияния на практику исторических исследований. Но произошедшие в последней трети XX в. в самой исторической науке «повороты» (лингвистический, антропологический и др.) изменили конфигурацию дисциплинарного поля и привели к заметному сужению области применения каузального анализа.

В 1961 г. известный британский историк-советолог Эдвард Карр в книге «Что такое история?» уверенно заявил: «Изучение истории — изучение причин» [Карр, 1988, с. 76]. А десять лет спустя известный французский историк Поль Вен, большой поклонник творчества Мишеля Фуко, с не меньшей уверенностью утверждал: «Проблема причинности в истории есть пережиток палеоэпистемологической эры...» [Вен, 2003, с. 113].

В книге с характерным названием «Как пишут историю» (1971) Вен напомнил о том, что история — это в первую очередь рассказ, повествование; он сравнивал ее с драматургической интригой и полагал, что «причины суть различные эпизоды интриги» [Вен, 2003, с. 112].

Разумеется, мнение одного историка, даже весьма авторитетного, нельзя считать поворотным моментом в отношении представителей нашей профессии к проблеме каузальности, но в высказывании Вена можно усмотреть наглядное проявление влияния «лингвистического поворота» на историков и симптом начавшихся перемен.

Эти перемены стали очевидны к концу XX в. В 1997 г. британский историк Ричард Эванс отметил, что «недавний поворот к культурной истории и ментальностям серьезно подорвал представление об исторической каузальности», как его понимал Э. Карр [Evans, 2000, p. 159]. Похоже, Эванс воспринял происходящее не как отказ историков от каузальных объяснений вообще, а как пересмотр привычной иерархии причин: «Новый акцент на культуре и языке, — пишет он, — подрывает установление приоритетов причин, общее для марксизма, школы “Анналов” и неовеберийанской социальной истории, при котором экономические причины действуют через социальные и, в свою очередь, выражаются с помощью [причин] политических и культурных» [Evans, 2000, p. 159]. На смену этой иерархии причин, по мысли Эванса,

пришел культурный детерминизм, в котором сама культура является относительным понятием, не обладающим поэтому никакой универсальной объяснительной силой.

А вот оценка ситуации, высказанная в 2000 г. другим британским историком, Людмилой Йордановой, звучала уже гораздо радикальнее: «актуальной историографической модой, — писала она, — является утрата доверия к каузальным объяснениям, к нашей способности давать ясные ответы на вопросы “почему”, произошедшая за последние 30 лет» [Jordanova, 2000, p. 108]. Йорданова связывает этот сдвиг с резким расширением диапазона разных типов историописания, что осложняет вопрос о том, какие изменения в прошлом считать главными и, следовательно, где искать самые важные причины. По ее мнению, историки уже больше не представляют себе причины *или* экономическими, *или* политическими, *или* социальными, а, скорее, видят их все в действии и обнаруживают их зависимость — или, по крайней мере, связь — с переменами в культуре. Внимание историков все больше привлекают ментальные сдвиги, которые происходят вместе с политическими и экономическими. Эти перемены, по самой их природе, труднее определить, и поэтому, продолжает Йорданова, подрывается доверие к каузальному объяснению, согласно которому сначала случается некая вещь, она производит ясный эффект, который с нею можно связать. «Это кажется чересчур аккуратным (*neat*) и односторонним», — заключает она [Jordanova, 2000, p. 109].

Йордановой вторит американский историк Питер Болдуин. Констатируя падение интереса историков к каузальности, он отмечает: «Причинность стали рассматривать как часть одержимости монокаузальными, редуционистскими или, по крайней мере, чересчур скупыми объяснениями, укорененными в прежней и все более старомодной парадигме социальных наук. <...> История после лингвистического поворота, и культурная история в особенности, стала гораздо больше интересоваться вопросом “что”, чем “почему”, и больше обращать внимание на сложность, чем на каузальность» [Baldwin, 2004, p. 18].

Французские историки даже ввели в оборот термин «кризис каузальности». Так, Эрве Мазюрель в статье для «Словаря историка», изданного в 2006 г., писал: «Совершенно очевидно, что в настоящее время мы наблюдаем кризис каузализма в истории: историки теперь с недоверием относятся ко всяким претензиям на подобного рода объективизм и на превосходство по отношению к изучаемому объекту; они теперь знают, что история *de facto* относится к повествовательному жанру. Поэтому многие исторические исследования отошли от попыток установить однозначную причинно-следственную связь, и представление о реальности в результате усложнилось, что открыло возможности для разнообразных ее описаний» [Мазюрель, 2011, с. 142].

В сходных выражениях об отходе от «каузализма, заимствованного из экспериментальных наук», писал позднее Франсуа Досс [Досс, 2013, с. 9].

Термин «кризис каузальности» не получил пока широкого распространения в научной литературе, но само явление активно обсуждается в современной историографии. Так, Марк Хьюитсон в первых главах своей книги «История и каузальность» (2014) подробно описывает «маргинализацию каузального объяснения» в интеллектуальной, социальной, новой культурной истории, гендерных и пост-колониальных исследованиях, которую он связывает с последствиями нескольких «поворотов»: лингвистического, семиотического, символического, культурного, пост-колониального [Hewitson, 2014, p. 26, chaps. 1–2]. В 2015 г. проблема снижения интереса историков к анализу причин стала предметом дискуссии на страницах одного из ведущих журналов в нашей профессии – *The American Historical Review* [AHR Conversation..., 2015].

Однако, как мне уже приходилось отмечать, «кризис каузальности» (если все-таки пользоваться этим термином за неимением лучшего) носит неравномерный характер [Кром, 2015, с. 43–44]. С одной стороны, к настоящему времени сформировался целый ряд исследовательских направлений, в которых поиск причин не играет никакой роли: это – интеллектуальная история (история понятий), микроистория, история повседневности (*Alltagsgeschichte*), новая культурная история и другие разновидности не-событийной истории. Этот факт важен уже сам по себе, поскольку он доказывает, что история – вопреки приведенному выше категорическому утверждению Э. Карра – вполне может обходиться без анализа причин и следствий.

С другой стороны, каузальный анализ по-прежнему занимает важное место в таких традиционных жанрах историописания, как политическая, дипломатическая и военная история (многочисленные примеры были приведены выше). То же относится и к истории революций: так, изданный три года назад новейший справочник по истории Российской революции под редакцией Д. Орловского открывается статьей Питера Уолдрона о «долговременных причинах Российской революции» [Waldron, 2020, p. 7–15]. Экономическая история также остается «заповедником» каузальности: экономические историки продолжают, например, увлеченно искать причины промышленной революции в Англии на рубеже XVIII–XIX вв., и из предложенных ими объяснений вскоре может составиться перечень, не уступающий по длине списку возможных факторов падения Древнего Рима, который я упомянул выше (подробнее см.: [Кром, 2015, с. 44–46]).

В целом же нужно признать, что утрата интереса к поиску причин со стороны части историков никак не способствует прояснению самой проблемы каузальности в истории, которая, по мнению немецкого ученого Детлева Юнкера, представляет собой «самую большую нерешенную познавательную проблему современной исторической науки» [Junker, 2002, S. 182].

Когда речь заходит о трудностях, с которыми сталкивается историк при попытке установить причины интересующего его события, то обычно указывают на отсутствие в его распоряжении эксперимента, который бы помог ему распутать сложный клубок условий, факторов и обстоятельств, которые этому событию

предшествовали: «И как историки, которые, в конце концов, не являются рационалистами в белых халатах, работающими в лаборатории, отделяют один фактор от другого?» – задается вопросом американская исследовательница Дебора Коэн [Cohen, 2004, p. 62].

В этой ситуации историки вынуждены прибегать к тому, что во французской историографии принято называть «ретросказанием» (*rétrodition*), т.е. умозаключением от следствий к их предполагаемым причинам [см.: Вен, 2003, с. 175–176, 181–188; Про, 2000, с. 178–179]. Эта логическая операция совершенно аналогична предсказанию, но только направлена не в будущее, а в прошлое. Фундаментальное различие состоит, однако, в том, что, скажем, прогноз синоптика может оправдаться или не оправдаться, но он в любом случае поддается проверке, а ретросказание историка обречено оставаться в статусе неподтвержденной гипотезы. Именно поэтому, как было показано выше, список предполагаемых причин того или иного крупного события растет с каждым годом.

Но у обсуждаемой проблемы есть еще одна сторона, о которой часто забывают: «причины», которые мы видим в текстах историков, – это не фрагменты исторической реальности (хотя, разумеется, к ней постоянно делаются отсылки), а элементы соответствующих концепций, части историографического дискурса. Дискурсивную природу имеет и «событие», о причинах которого спорят историки.

Говоря это, я вовсе не имею в виду, будто историки просто выдумывают некие события. Безусловно, они оперируют обширным фактическим материалом, опираются на свидетельства источников. Но соединение бесчисленного множества эпизодов в единое событие, известное как «Столетняя война» или «Великая Французская революция», происходит обычно постфактум, и в этом конструировании участвует и общественное мнение, и историографическая традиция.

Как известно, понятие «Столетняя война» является историографическим конструктом, утвердившимся в научной литературе – сначала французской, а затем – английской – только к середине XIX в. [см.: Калмыкова, 2010, с. 8–9]. Тем самым из череды военных конфликтов между соседними странами, продолжавшихся, с перерывами, в течение нескольких веков, был выделен один период, и он стал восприниматься как единое событие. В результате привычный вопрос «Каковы причины Столетней войны?», на который вынуждены отвечать на экзаменах многие поколения студентов, содержит в себе внутреннее противоречие, поскольку соединяет две разных оптики: взгляд участников событий, которые на каждом этапе преследовали какие-то свои цели, и ретроспективный взгляд историков, выявляющих тенденции, о которых сами люди, жившие в ту эпоху, не имели никакого понятия.

Проблема хронологических рамок актуальна и для истории Российской революции. Я еще помню время, в начале 1980-х гг., когда полагалось строго различать в 1917 г. две революции – «буржуазно-демократическую» Февральскую и «пролетарскую» Октябрьскую. Теперь те же события принято рассматривать как единый

революционный процесс и помещать его в длительный временной континуум от Первой мировой войны до начала 1920-х гг. [Критический словарь..., 2014; Эпоха войн и революций..., 2017].

Но даже если хронологические рамки события не вызывают разногласий, как в случае Гражданской войны в США или Первой мировой войны, его образ в глазах историков не остается неизменным, поскольку в их поле зрения со временем попадают все новые сюжеты и аспекты изучаемой темы. В книге Джея Уинтера и Антуана Про показано, например, как за 100 лет изучения менялись историографические конфигурации Первой мировой войны: от преимущественно военной и дипломатической истории — к социальной, а затем — к культурно-антропологической парадигме и исследованиям исторической памяти [Winter, Prost, 2020, p. 6–33].

Поэтому привычка философов представлять события в виде точек *A*, *B* или *C* [см., напр.: Гемпель, 1998, с. 16–17] вызывает недоумение: события, если воспользоваться метафорой, больше похожи не на точки, а на облака — с подвижными краями и меняющейся структурой. Могут ли у столь текучей материи быть неизменные причины?

Все вышесказанное можно считать ответом (хотя, конечно, отнюдь не исчерпывающим) на вторую часть вопроса, вынесенного в заголовок этой статьи: что мешает историкам однозначно установить причины интересующих их событий. Но, если поиск причин в истории столь труден, а достигнутые результаты во многих случаях, мягко говоря, не очень убедительны, то что заставляет историков вновь и вновь прибегать к каузальному объяснению?

Ценные указания на этот счет можно найти в работах французских историков. Так, Анри-Ирене Марру упомянул в своей книге «Об историческом познании» (1-е изд. — 1954) о том, что понятие «причина» заимствовано «из обычного мышления (*la pensée commune*) и из языка повседневной жизни» [Marrou, 1975, p. 171]. Позднее Поль Вен писал о том, что свойственный истории «способ объяснения заключается в том, чтобы «сделать понятным», рассказать, как все произошло; здесь не возникает ничего такого, что принципиально отличалось бы от нашей повседневности...» [Вен, 2003, с. 174]. Он ставил знак равенства между «исторической причинностью» и «причинностью нашей повседневной жизни» [Вен, 2003, с. 175].

Справедливость этих наблюдений можно оценить, если присмотреться к тому, как историки рассуждают о причинах. Вспомним прагматизм Полибия (соответствующая цитата приведена выше, на первой странице этой статьи), который подчеркивал полезность знания причин событий для политика и сравнивал их поиск в истории с врачебной диагностикой.

Прошло более двух тысяч лет, и вот в книге Эдварда Карра «Что такое история?» (1961) мы встречаемся с тем же стилем рассуждения, основанным на прагматизме и житейской логике. Автор постоянно сравнивает историка с «обычным человеком», а историю — с «обычной жизнью», ссылаясь на опыт «обычных людей,

занимающихся практическими жизненными делами» [Карр, 1988, с. 83, 90]. Объясняя, каким образом историк отбирает причины минувших событий с точки зрения их «исторической важности», Карр проводит параллель с разбором дорожно-транспортного происшествия в полицейском участке. Некий Джонс, возвращаясь с вечеринки, где он выпил чуть больше обычного, проезжая на машине с неисправными тормозами плохо освещенный поворот, сбил Робинсона, который пересекал дорогу, отправляясь за сигаретами в магазин на углу. Причиной этого ДТП может быть признано алкогольное опьянение водителя – и тогда возникают основания для возбуждения уголовного дела, или – неисправные тормоза, и тогда претензии могут быть адресованы владельцам мастерской, где автомобиль недавно проходил технический осмотр, или, наконец, – неудовлетворительная освещенность опасного поворота, что должно стать предметом внимания дорожной администрации. Но страсть Робинсона к сигаретам не может быть признана причиной происшествия, – подчеркивает Карр и на основании этой аналогии проводит грань между последовательностями причин и следствий, которые имеют «историческое значение» и которые поэтому историк отбирает для своей работы, и случайностями, которые он отвергает [Карр, 1988, с. 90–91].

Как видим, историческое объяснение в интерпретации Карра, действительно, неотлично от обычной житейской логики, а критерии поиска исторических причин совпадают с принципами, которыми руководствуется полицейский инспектор при расследовании ДТП.

Таким образом, если наша гипотеза верна, то понятие причины вместе с обыденной логикой и обыденным языком заимствовано историками из повседневной жизни.

Но насколько такой «метод» установления причин, очевидно, неплохо работающий в житейских ситуациях, адекватен предмету, с которым имеет дело историк?

Причинность действительно играет важную роль в нашей жизни, но ее смысл заключается в том, чтобы найти нарушителя порядка, возбудителя болезни (если речь идет о медицине) или неисправность бытовой техники и в конечном счете – восстановить статус-кво. Между тем деятельность историка, в отличие от профессий, призванных поддерживать существующий порядок и нормальное функционирование систем жизнеобеспечения, отнюдь не подчинена подобным прагматическим целям. Историки, изучающие, к примеру, Российскую революцию 1917 г., не пытаются ответить на вопрос, почему вообще возникают революции, и не вырабатывают рекомендации для властей, как избежать подобных потрясений в будущем.

Более того, в отличие от житейской ситуации, которая подобна контролируемому эксперименту в естественных науках – в том смысле, что набор возможных причин какого-либо происшествия, как правило, известен и очень ограничен, в истории мы сталкиваемся со множеством неизвестных факторов и никогда не обладаем всей полнотой информации.

Биолог Г.Ю. Любарский справедливо полагает, что каузальный анализ не соответствует самому предмету истории – процессу развития общества: «когда мы имеем дело с развивающимися системами, – пишет он, – выявление цепочек причин и следствий не приводит к пониманию реальности. Явных ошибок причинный метод не дает: у причин имеются следствия, происходящее можно описать как процесс производства следствий причинами. Однако это описание не является достаточно полным, поскольку специфика конечного результата в чрезвычайно слабой степени зависит от специфики причины. Причинное объяснение явлений истории оказывается лишь частично адекватным историческому процессу» [Любарский, 2000, с. 21].

Помимо привычки к поиску причин, укорененной в нашем обыденном сознании, приверженность многих историков к каузальному анализу может основываться на том, что именно в установлении причинно-следственных связей они видят идеал научного объяснения. Так, Перес Загорин в разгар полемики с постмодернистами в 1990 г. назвал иллюзией предположение о том, что историография может обойтись без понятия каузальности. «Пока она включает в себя объяснение как одну из своих целей, – писал он, – указание на причины (*causal attribution*) останется необходимым компонентом исторического мышления» [Zagorin, 1990, p. 270].

Нет, однако, никаких оснований ставить знак равенства между объяснением и каузальностью в истории. По мнению многих ученых, как практикующих историков, так и теоретиков-эпистемологов, объяснение является более широким понятием, которое включает в себя каузальный анализ, но не сводится к нему [Benson, Strout, 1961, p. 182; Evans, 2000, p. 135; Munslow, 2000, p. 118].

Из форм исторического объяснения, альтернативных по отношению к установлению причинно-следственных связей, в первую очередь следует назвать контекстуальный подход: помещение изучаемого события или явления в соответствующий контекст помогает лучше понять его смысл и значение. Большую помощь историку может также оказать типологизация (Эванс называет ее «категоризацией»): [Evans, 2000, p. 135] исследуемых политических институтов, обычаев, идеологий и т.д. Так, отнесение Московского царства к типу раннемодерного государства позволяет выявить целый ряд его свойств и тенденций развития, на которые раньше не обращали внимание исследователи той эпохи [см.: Кром, 2018, с. 15–25, 233–238].

Типологизация часто сочетается с применением сравнения, которое обладает целым рядом объяснительных функций [см.: Кром, 2015, с. 131–144].

Есть свои сторонники и у контрфактического моделирования, которое принесло ощутимые результаты в экономической и демографической истории [см. подробнее: Про, 2000, с. 180–182; Оффенштадт, 2011, с. 82–83].

Порой делаются попытки обосновать каузальный анализ с помощью сравнительной и контрфактической истории [см.: Hewiston, 2014, p. 164–165], но попытки эти несостоятельны, поскольку сравнение, будучи формой индукции, способно лишь эффективно тестировать существующие гипотезы, но оно не может помочь

в установлении «истинных» причин исторических событий [см.: Кром, 2015, с. 133–137].

Наконец, некоторые ученые, близкие к постмодернизму, включают в историческое объяснение и нарративные стратегии [см.: Munslow, 2000, p. 123], но я не буду здесь останавливаться на этом спорном вопросе.

Одним словом, в распоряжении историков есть целый арсенал объяснительных средств, и поэтому, если в какой-то момент они полностью откажутся от поиска причин (как это уже произошло в ряде современных направлений исследований), история не превратится в простое изложение событий.

Итак, то, что на первый взгляд представляется строгой аналитической категорией, на поверку оказывается фигурой речи, заимствованной из обыденного языка, частью историографического дискурса, зависимого от мировоззренческих установок и подверженного колебаниям научной моды. Я полагаю, что, будучи словом естественного языка, «причина» (как и вопрос «почему») сохранится в лексиконе историка, но вот возлагать на нее какие-то серьезные надежды как на инструмент исторического познания, на мой взгляд, не стоит.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. Пер. Л.А. Торчинского. М.: Научный мир, 2003. 394 с.

Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории // *Гемпель К.Г.* Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 16–31.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. Г.А. Стратановского. Л.: «Наука», 1972. 600 с.

Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // *Как мы пишем историю?* Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9–56.

Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. 664 с.

Карр Э. Что такое история? Пер. с англ. М.: Изд-во «Прогресс», 1988. 133 с.

Критический словарь Русской революции: 1914–1921. Сост. Э. Акстон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с.

Кром М.М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. Материалы междунар. науч. конференции. Москва, РГГУ, 25–26 апреля 2014 г. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 41–53.

Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с.

Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: НЛО, 2018. 256 с.

Курилла И.И. Переосмысление Гражданской войны в современном американском обществе // *Американский ежегодник, 2021*. М.: Весь мир, 2021. С. 337–350.

Любарский Г.Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. М.: Изд-во КМК, 2000. 449 с.

Мазюрель Э. Причинная связь // *Словарь историка*. Отв. ред. Н. Оффштадт; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 140–143.

Оукшотт М. Деятельность историка // *Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи*. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 128–152.

Оффенштадт Н. Контрфактическая история // *Словарь историка*. Отв. ред. Н. Оффенштадт; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 82–83.

Полибий. Всеобщая история Пер. Ф.Г. Мищенко. В 3 т. Т. I. СПб.: «Наука», «Ювента», 1994. 496 с.

Про А. Двенадцать уроков по истории. Пер. Ю.В. Ткаченко. М.: РГГУ, 2000. 336 с.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. Пер. с нем. Л.В. Ланника. М.: РОССПЭН, 2017. 677 с.

Эпоха войн и революций, 1914–1922: материалы международного коллоквиума (9–11 июня 2016 г.). Отв. ред. Б.И. Колоницкий, Д. Орловски. СПб.: Нестор-История, 2017. 496 с.

AHR Conversation: Explaining Historical Change; or, the Lost History of Causes // *The American Historical Review*. 2015. Vol. 120. № 4. Pp. 1368–1423.

Baldwin P. Comparing and Generalizing: Why All History Is Comparative, Yet No History Is Sociology // *Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective*. Ed. by Deborah Cohen and Maura O'Connor. New York; London: Routledge, 2004. Pp. 1–22.

Benson L., Strout C. Causation and the American Civil War. Two Appraisals // *History and Theory*. 1961. Vol. 1. № 2. Pp. 163–185.

Clark C. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. New York: Harper Perennial, 2014. 697 p.

Cohen D. Comparative History: Buyer Beware // *Comparison and History. Europe in Cross-National Perspective*. Ed. by Deborah Cohen and Maura O'Connor. New York; London: Routledge, 2004. Pp. 57–69.

Dray W. *Laws and Explanation in History*. London: Oxford University Press, 1957.

Dray W. Some Causal Accounts of the American Civil War // *Daedalus*. 1962. Vol. 91. № 3. Pp. 578–592.

Evans R.J. *In Defence of History*. 2-nd ed. London: Granta Books, 2000. 371 p.

Hewitson M. *Germany and the Causes of the First World War*. Oxford; New York: Berg, 2004. 268 p.

Hewitson M. *History and Causality*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 262 p.

Jordanova L. *History in Practice*. London: Arnold; New York: Oxford University Press Inc., 2000. 224 p.

Junger D. Kausalität // *Lexikon Geschichtswissenschaft: hundert Grundbegriffe*. Hrsg. Stefan Jordan. Stuttgart: Reclam, 2002. S. 181–184.

Mandelbaum M. Historical Explanation: The Problem of «Covering Laws» // *History and Theory*. 1961. Vol. 1. № 3. Pp. 229–242.

Marrou H.-I. *De la connaissance historique*. 6me éd. Paris : Éd. du Seuil, 1975. 319 p.

McMeekin S. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2011. Paperback ed. 2013. 324 p.

Munslow A. Historical Explanation // Munslow A. *The Routledge Companion to Historical Studies*. London; New York: Routledge, 2000. Pp. 118–124.

Murphey M.G. Explanation, Causes, and Covering Laws // *History and Theory*. 1986. Vol. 25. № 4. Pp. 43–57.

Oakeshott M. *Experience and Its Modes*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1933, reprint 1994. 359 p.

Towers F. Partisans, New History, and Modernization: The Historiography of the Civil War's Causes, 1861–2011 // *Journal of the Civil War Era*. 2011. Vol. 1. № 2. Pp. 237–264.

Waldron P. Long-Term Causes of the Russian Revolution // *A Companion to the Russian Revolution*. Ed. by Daniel Orlovsky. Hoboken (USA); Chichester (UK): Wiley Blackwell, 2020. Pp. 7–15.

Winter J., Prost A. *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 290 p.

Zagorin P. Historiography and Postmodernism: Reconsiderations // *History and Theory*. 1990. Vol. 29. № 3. Pp. 263–274.

REFERENCES

Veyne P. *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii* [Writing History. An Essay in Epistemology]. Moscow: Ves' mir, 2003. 394 p. (in Russian)

Hempel C.G. Funktsiya obschikh zakonov v istorii [The Function of General Laws in History], in Hempel C.G. *Logika ob'yasneniya*. Moscow: Dom intellektualnoi knigi, 1998. Pp. 16–31 (in Russian).

Herodotus. *Istoriya v devyati knigakh* [History in 9 books]. Leningrad: Nauka, 1972. 600 p. (in Russian).

Dosse F. *Kak segodnia pishetsia istoriya: vzgliad s frantsuzskoi storony* [How History is Being Written Today: A View from the French Side], in *Kak my pishem istoriyu* [How we write history]. Ed. by G. Dufaut, G. Garreta, L. Pimenova. Moscow: ROSSPEN, 2013. Pp. 9–56 (in Russian).

- Kalmykova E.V. *Obrazy voiny v istoricheskikh predstavleniyakh anglichan pozdnego Srednevekov'ya* [Images of War in Historical Perceptions of Late Medieval Englishmen]. Moscow: Kvadriga, 2010. 664 p. (in Russian).
- Carr E. *Chto takoye istoriya?* [What is History?]. Moscow: Progress Publ., 1988. 133 p. (in Russian).
- Kriticheskii slovar' Russkoi revoliutsii: 1914–1921* [Critical Companion to the Russian Revolution 1914–1921]. Ed. E. Acton, W.G. Rosenberg, V.Yu. Cherniayev. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 768 p. (in Russian).
- Krom M.M. *Mezhdistsiplinarnost' i krizis kausal'nosti v sovremennoi istoricheskoi nauke* [Interdisciplinary studies and the crisis of causality in the present-day historical scholarship], in *Steny i mosty – III: Istoriya vozniknoveniya i razvitiya idei mezhdistsiplinarnosti* ["Walls and Bridges" – III: the history of the emergence and development of the idea of interdisciplinarity. Materials of the international scientific conferences]. Moscow: Gaudeamus; Akademicheskii proekt, 2015. Pp. 41–53 (in Russian).
- Krom M.M. *Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku: uchebnoe posobie* [An introduction to historical comparison: A manual]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 248 p. (in Russian).
- Krom M.M. *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov* [The Birth of the State: Muscovite Rus in the 15th and 16th Centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 256 p. (in Russian).
- Kurilla I.I. *Pereosmyslenie Grazhdanskoi voiny v sovremennom amerikanskom obschestve* [Rethinking the Civil War in the Present-Day American Society], in *Amerikanskii ezhegodnik, 2021* [American Yearbook, 2021]. Moscow: Ves' mir, 2021. Pp. 337–350 (in Russian).
- Lyubarskii G.Yu. *Morfologiya istorii: sravnitelnyi metod i istoricheskoe razvitie* [The Morphology of History: Comparative Method and Historical Development]. Moscow: KMK, 2000. 449 p. (in Russian).
- Mazurel E. *Prichinnaya svyaz'* [Causal Connection], in *Slovar' istorika* [Dictionary of a historian]. Ed. by N. Offenstadt. Moscow: ROSSPEN, 2011, Pp. 140–143 (in Russian).
- Oakeshott M. *Deyatel'nost' istorika* [Historian's Activity], in Oakeshott M. *Ratsionalizm v politike i drugie stat'i* [Rationalism in politics and other articles]. Moscow: Ideya-Press, 2002. Pp. 128–152 (in Russian).
- Offenstadt N. *Kontrfakticheskaya istoriya* [Counterfactual History], in *Slovar' istorika* [Dictionary of a historian]. Ed. by N. Offenstadt. Moscow: ROSSPEN, 2011, Pp. 82–83 (in Russian).
- Polybius. *Vseobshchaya istoriya* [General History]. 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka; Yuventa, 1994. 496 p. (in Russian).
- Prost A. *Dvenadtsat' urokov po istorii* [Twelve Lessons in History]. Moscow: RGGU, 2000. 336 p. (in Russian).
- Fischer F. *Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennykh tselei kaiserovskoi Germanii v 1914–1918 gg.* [A Leap to the World Domination. The Politics of Military Goals of Kaiser's Germany in 1914–1918]. Moscow: ROSSPEN, 2017. 677 p. (in Russian).

Epokha voyn i revolutsii, 1914–1922: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (9–11 iyunia 2016 g.) [The Epoch of the Wars and Revolutions, 1914–1922: The Proceedings of the International Colloquium, June 9–11, 2016]. Ed. B.I. Kolonitskii, D. Orlovsky. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 496 p. (in Russian).

AHR Conversation: Explaining Historical Change; or, the Lost History of Causes, in *The American Historical Review*. 2015. Vol. 120. No. 4. Pp. 1368–1423.

Baldwin P. Comparing and Generalizing: Why All History Is Comparative, Yet No History Is Sociology, in *Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective*. Ed. by Deborah Cohen and Maura O'Connor. New York; London: Routledge, 2004. Pp. 1–22.

Benson L., Strout C. Causation and the American Civil War. Two Appraisals, in *History and Theory*. 1961. Vol. 1. No. 2. Pp. 163–185.

Clark C. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. New York: Harper Perennial, 2014. 697 p.

Cohen D. Comparative History: Buyer Beware, in *Comparison and History. Europe in Cross-National Perspective*. Ed. by Deborah Cohen and Maura O'Connor. New York; London: Routledge, 2004. Pp. 57–69.

Dray W. *Laws and Explanation in History*. London: Oxford University Press, 1957.

Dray W. Some Causal Accounts of the American Civil War, in *Daedalus*. 1962. Vol. 91. No. 3. Pp. 578–592.

Evans R.J. *In Defence of History*. 2-nd ed. London: Granta Books, 2000. 371 p.

Hewitson M. *Germany and the Causes of the First World War*. Oxford; New York: Berg, 2004. 268 p.

Hewitson M. *History and Causality*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 262 p.

Jordanova L. *History in Practice*. London: Arnold; New York: Oxford University Press Inc., 2000. 224 p.

Junger D. Kausalität, in *Lexikon Geschichtswissenschaft: hundert Grundbegriffe*, hrsg. Stefan Jordan. Stuttgart: Reclam, 2002. S. 181–184.

Mandelbaum M. Historical Explanation: The Problem of “Covering Laws”, in *History and Theory*. 1961. Vol. 1. No. 3. Pp. 229–242.

Marrou H.-I. *De la connaissance historique*. 6me éd. Paris: Éd. du Seuil, 1975. 319 p.

McMeekin S. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2011, paperback ed. 2013. 324 p.

Munslow A. Historical Explanation, in Munslow A. *The Routledge Companion to Historical Studies*. London; New York: Routledge, 2000. Pp. 118–124.

Murphey M.G. Explanation, Causes, and Covering Laws, in *History and Theory*. 1986. Vol. 25. No. 4. Pp. 43–57.

Oakeshott M. *Experience and Its Modes*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1933, reprint 1994. 359 p.

Towers F. Partisans, New History, and Modernization: The Historiography of the Civil War's Causes, 1861–2011, in *Journal of the Civil War Era*. 2011. Vol. 1. No. 2. Pp. 237–264.

Waldron P. Long-Term Causes of the Russian Revolution, in *A Companion to the Russian Revolution*, ed. by Daniel Orlovsky. Hoboken (USA); Chichester (UK): Wiley Blackwell, 2020. Pp. 7–15.

Winter J., Prost A. *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 290 p.

Zagorin P. Historiography and Postmodernism: Reconsiderations, in *History and Theory*. 1990. Vol. 29. No. 3. Pp. 263–274.

Статья принята к публикации 21.09.2023